

ОБЩЕСТВЕННОЕ ЖИВОТНОЕ. ВВЕДЕНИЕ В СОЦИАЛЬНУЮ ПСИХОЛОГИЮ

Факторы, повышающие и снижающие конформность. Часть 2

Глава 1. Что такое социальная психология?
Конформность



Давайте выясним, что является главным компонентом в каждой из реакций на социальное влияние (подчинение, идентификация, интернализация). В случае подчинения эту роль играет власть – право «вливающего» поощрять за уступчивость и наказывать за неуступчивость. В идентификации решающим компонентом является привлекательность – обаяние личности, с которой мы себя идентифицируем. Представьте, что человек, который вам нравится, придерживается жесткой позиции по тому или иному вопросу.

Поскольку вы идентифицируете себя с моделью, то, естественно, вы желаете придерживаться того же мнения, что и модель. До тех пор, пока у вас не возникнет более сильное чувство или не появится достоверная информация, противоречащая этому мнению, вы будете склоняться к тому, чтобы принять позицию модели. Интересно отметить, что в том случае, когда человек или группа, которые вам не нравятся, высказывают какое-то мнение, вы будете склоняться к тому, чтобы его отвергнуть или занять прямо противоположную позицию.

В процессе интернализации важным компонентом является кредит доверия – им должен обладать человек, снабжающий вас информацией.

К примеру, вы читаете заявление, сделанное кем-то, кто в высшей степени заслуживает доверия благодаря тому, что одновременно является и квалифицированным экспертом, и честным человеком. Скорее всего, вы поддадитесь его влиянию просто из-за желания быть правым.

Послушание как форма подчинения

Акты подчинения, в общем, недолговечны, однако это не означает, что они не имеют значения, и кратковременные действия могут быть чрезвычайно важными, что было продемонстрировано в потрясающих своим драматизмом исследованиях феномена послушания, проведенных Стэнли Милграмом.

Представьте себе следующую картину. Испытуемые добровольно вызываются принять участие в эксперименте, который исследует, по официальной версии, память и процессы научения. В действительности цель эксперимента заключалась в определении степени послушания людей персонам, наделенным властью.

Двум испытуемым суровый, непреклонный экспериментатор в рабочем халате объясняет, что они будут участвовать в исследовании влияния наказания на научение. Один из участников (ученик) должен запомнить некоторые словесные пары, по которым другой участник (учитель) будет его тестировать. Затем испытуемый и его партнер тянут жребий – специально заготовленные карточки с записанными на них распределениями ролей. Испытуемого, которому достается роль учителя, подводят к «генератору электрических разрядов», на приборной панели которого находится 30 рубильников, а над каждым – ярлычок с указанием уровня разряда, начиная с минимального в 15 вольт («легкий разряд») и заканчивая максимальным в 450 вольт (что означает «очень сильный разряд»). Последовательно опуская соответствующие рубильники – увеличивая, таким образом, силу тока, учитель должен наказывать ученика ударом тока всякий раз, когда ученик не в состоянии дать правильный ответ.

После инструктажа учитель и его ученик следуют за экспериментатором в соседнюю комнату, где ученика привязывают к устройству, напоминающему электрический стул, провода от которого ведут к «генератору электротока». В ответ на высказанное учеником беспокойство по поводу его не совсем здорового сердца экспериментатор заверяет: «хотя сами удары током могут быть очень болезненными, устойчивого поражения тканей они не вызовут». На самом деле ученик прекрасно осведомлен, что у него нет причин для тревоги.

В данном случае он – сообщник экспериментатора, и вся процедура жеребьевки специально подстроена таким образом, чтобы в любом варианте ему досталась роль ученика, а его партнеру – учителя. Ни с каким реальным источником тока ученик не связан, однако учитель – реальный испытуемый – абсолютно уверен, что жертва в соседней комнате действительно подсоединена к «генератору электроразрядов», управление которым находится теперь в ведении учителя. Он даже специально испытал пробный удар током (от встроенной в «генератор» батарейки в 45 вольт). Кроме того, он слышит реакцию ученика, который ведет себя так, как будто



действительно получает удары током, и все больше убеждается, что эти удары чрезвычайно болезненны. Испытуемый не знает того, что на самом деле то, что он слышит, – магнитофонная запись, а ответы ученика следуют заранее подготовленному сценарию.

Как только начинаются упражнения, ученик несколько раз отвечает правильно, но затем в ряде случаев допускает ошибки. С каждой новой ошибкой испытуемый опускает следующий рубильник, полагая, что сила электрического удара постоянно растет. На пятом ударе током – в 75 вольт – жертва начинает охать и стонать от боли, а при 150 вольтах умоляет остановить эксперимент. Когда напряжение достигает 180 вольт, ученик кричит, что он больше не в состоянии терпеть боль.

Подобное поведение не является прерогативой только американцев, живущих в штате Коннектикут. Где бы ни применялась процедура Милграма, результатом всегда был значительный уровень послушания. К примеру, повторения эксперимента показали, что люди в Австралии, Иордании, Испании и Западной Германии ведут себя во многом так же, как испытуемые Милграма. Аналогичным образом исследователи установили, что женщины так же послушны, как и мужчины.

Фактором, который уменьшал степень послушания в этом эксперименте, было физическое отсутствие авторитетной особы. Милграм обнаружил, что, когда экспериментатор был вне комнаты и отдавал приказы по телефону, число полностью послушных участников падало ниже 25 процентов.

Несколько человек в экспериментах Милграма приняли решение бросить вызов экспериментатору и отказались продолжать эксперимент – несмотря на подталкивание экспериментатора.

Невовлеченный свидетель как Конформист

В 1964 г. молодая женщина, которую звали Китти Дженовезе, была забита насмерть на улице Нью-Йорка. Несмотря на весь трагизм происшедшего, само по себе данное событие не было чем-то экстраординарным: в конце концов, в густонаселенных городах жестокие убийства не являются чем-то из ряда вон выходящим.

Интерес в данном случае представляет следующий факт: не менее 38 соседей жертвы, разбуженных в три часа утра ее страшными криками, на протяжении получаса зачарованно наблюдали из окон за тем, как нападавший заканчивал свою расправу (за это время он трижды возвращался и набрасывался на несчастную). Никто из зрителей не вышел наружу, чтобы помочь жертве нападения; никто даже не удосужился поднять телефонную трубку и вызвать полицию, пока не оказалось уже слишком поздно.

Опросы свидетелей убийства Дженовезе показали, что все эти люди были далеко не равнодушны – они были объята ужасом. Почему же в таком случае они не вмешались? На этот вопрос ответить трудно.

Одно из возможных объяснений состоит в том, что существует различие норм поведения в отношении оказания помощи в больших городах и в малых. Результаты ряда экспериментов подтверждают, что вероятность получения помощи в маленьких городах выше, чем в больших. Однако в этих исследованиях просьбы о помощи касались малого: разменять монетку в 25 центов, сказать, который час и тому подобное. Сохранятся ли подобные различия между большим городом и маленьким в серьезных критических ситуациях – таких, как случаи с Китти Дженовезе? Этот вопрос остается открытым.

Таким образом, невмешательство можно рассматривать как акт конформности. В этом случае кажется, что для каждого человека другие люди определяли разумность и уместность оказания помощи или неоказания помощи. Как мы видели, часто бывает разумно взять ключ (подсказку) от других. Однако, иногда это может вводить в заблуждение и имеет тенденцию быть особенно вводящим в заблуждение в критических ситуациях. В нашем обществе считается «дурным тоном» показывать сильные эмоции на публике.

Таким образом, тот факт, что вокруг много людей, по сравнению с увеличением вероятности того, что кто-нибудь поможет, на самом деле уменьшает вероятность того, что кто-нибудь из них поможет. Это явление (феномен) было названо эффектом наблюдателя.



В случае с убийством Дженовезе у свидетелей мог быть и дополнительный аргумент, оправдывающий их невмешательство. В подобных ситуациях, если люди убеждены, что вместе с ними за происходящим наблюдают другие, испытываемое ими чувство ответственности распространяется на всех, происходит как бы диффузия ответственности. Каждый из свидетелей убийства Дженовезе, видевший, как загорается свет в окнах и оттуда выглядывают заспанные лица, мог не ощущать собственной ответственности за развитие событий: стоило только появиться другим свидетелям, как каждый из них мог прийти к заключению, что кто-то другой уже вызывает полицию или что это вообще чья-то, а не его собственная забота.

Чтобы проверить эту идею, Дарли и Лэтэнэ создали экспериментальную ситуацию, в которой испытуемые были помещены в разные комнаты, а связь между ними поддерживалась с помощью микрофонов и наушников. Таким образом, они могли слышать, но не могли видеть друг друга. Затем исследователи разыгрывали эпилептический припадок у одной из участниц: они включали магнитофонную запись с имитацией припадков.

По условиям эксперимента в одном случае каждая из испытуемых считала, что она – единственная, у кого во время инцидента были подключены наушники, в другом случае каждая из испытуемых была убеждена, что наушники были подключены у всех. Испытуемые, считавшие себя единственными свидетелями, со значительно более высокой степенью вероятности были готовы покинуть комнату и поспешить на помощь попавшей в беду, нежели те, которые считали, что и другие тоже слышат происходящее. По мере увеличения числа таких «слышащих» вероятность прихода на помощь уменьшалась.

В эксперименте, поставленном Ирвингом Пилиавиным и его сотрудниками, в одном из вагонов нью-йоркского метро подставной помощник экспериментаторов внезапно как бы испытывал головокружение и падал на пол вагона прямо на глазах присутствующих, после чего оставался неподвижно лежать, уставившись в потолок. Сцена была повторена 103 раза в разных условиях, и самым впечатляющим результатом было то, что в большом числе случаев люди были готовы поспешить на помощь упавшему. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась в ситуации, когда жертве придавали действительно болезненный вид: более чем в 95% случаев кто-то предлагал помощь немедленно. Даже когда в руке упавшего оказывалась бутылка и от него явно пахло спиртным, он все равно получал немедленную помощь в 50% случаев.

Уровень отзывчивости пассажиров метро в этом эксперименте не зависел от количества свидетелей. Люди предлагали помощь в переполненных поездах, где могло иметь место «распыление» ответственности, столь же часто и быстро, как и в полупустых. Хотя пассажиры метро были жителями Нью-Йорка, они находились в определенной среде. Пассажирами метро владело то же ощущение «общей судьбы»; они оказались лицом к лицу с жертвой, и из этой ситуации нельзя было выйти немедленно.

Как можно усилить стремление помочь другим? Давайте зададим вопросы, которые придут на ум, окажись вы в критической ситуации: «Она действительно так серьезна? Это требует моего личного вмешательства? Будет ли оказание помощи трудным для меня? Потребуется ли оно больших затрат? Принесет ли мое вмешательство пользу жертве? Могу ли я легко исчезнуть с места происшествия?» Ваша реакция на ситуацию будет зависеть от ответов на каждый из этих вопросов.

Первое необходимое условие оказания помощи – быть убежденным в том, что ситуация – критическая, чрезвычайная. Мы уже видели, как само присутствие невмешивающихся свидетелей служит своеобразным «знаком» для других наблюдателей считать сложившуюся ситуацию именно чрезвычайной. Однако отношение свидетелей может таким образом повлиять на ее восприятие испытуемыми, что они будут, наоборот, проявлять активность.

Определение ситуации как чрезвычайной – это первый шаг. Следующим шагом должно стать принятие персональной ответственности за вмешательство. Наблюдатели с большей вероятностью придут на помощь, когда не смогут приглушить свое чувство ответственности ожиданием помощи со стороны кого-то другого.

Далее, хотя событие может показаться действительно чрезвычайным и требующим вмешательства, люди все-таки помогают меньше, если цена такого вмешательства высока. В видеоизменном эксперименте Пилиавина «жертва», падая на пол, успевала незаметно



раздавить во рту капсулу с красной краской, отчего создавалось впечатление, что у нее изо рта сочится кровь. Хотя наличие этого обстоятельства придавало ситуации еще большую серьезность, к истекающим кровью «жертвам» приходили на помощь реже, чем к тем, у кого ее не наблюдалось. Очевидно, потенциальные помощники испытывали испуг при виде крови, или этот вид их просто отталкивал, снижая готовность прийти на помощь.

Оказывая помощь, люди учитывают не только издержки, но и возможную пользу, которую они могут принести. Имеется предостаточно доказательств, что люди будут помогать друг другу, если они уверены, что действительно могут принести пользу.

К примеру, в одном из экспериментов Роберт Бэрон показал: в том случае, когда индивид испытывал боль, а свидетель его мучений знал, что его вмешательство способно уменьшить мучения, – чем более явной была боль, тем быстрее вмешивался свидетель, а в том случае, когда свидетель не был уверен, что его вмешательство поможет уменьшить мучения, – чем сильнее было проявление боли у индивида, тем менее быстрой была реакция свидетеля.

Для осмысления результатов этих экспериментов нам придется прибегнуть к концепции эмпатии. В данном случае под ней понимается тенденция каждого из нас испытывать неприятные физиологические реакции при виде другого человека, мучающегося от боли, причем, чем сильнее чужая боль, тем неприятнее могут быть наши ощущения. Уменьшить их можно двояко: либо оказать помощь жертве, либо психологически «вывести» себя самого из данной ситуации. Если нам ясно, что мы в состоянии помочь, мы действуем быстро, особенно когда боль сильна. Когда же мы понимаем, что ничего сделать не в состоянии, то происходит обратный процесс: чем сильнее испытываемая жертвой боль, тем с большей решимостью мы постараемся отстраниться от происходящего, уменьшая таким образом собственные неприятные ощущения.

До этого момента мы фокусировали внимание на соображениях, возникающих при решении помочь жертве. Но как показало обсуждение эмпатии, совершенно очевидно, что свидетель также рассматривает личные выгоды и издержки отказа от помощи. Дискомфорт, вызванный видом страданий жертвы, может быть уменьшен, если свидетель способен пересмотреть свое восприятие инцидента, считая, что он не требует экстренного вмешательства. Вероятность оказания помощи жертве также уменьшается, если свидетелю не представляет труда выйти из ситуации.

Существует много факторов, которые усиливают у свидетеля чувство его связи с жертвой. Это чувство может побороть искушение отстраниться от происходящего. Каждому из нас приходилось слышать истории про людей, которые, спасая членов своей семьи, шли буквально на все – врывались в горящее здание, преграждали путь несущейся автомашине. Мы испытываем большую эмпатию и принимаем на себя большую ответственность, когда жертвой является кто-то из близких нам людей. Связь с жертвой может быть и более поверхностной: к примеру, потенциальные помощники окажут большую поддержку тем, чьи социальные установки близки к их собственным.

В 1971 г., когда в Вашингтоне проходили демонстрации протеста против вьетнамской политики президента Никсона, Питер Сюдфелд и его коллеги разыграли эксперимент с целью проверить связь между сходством социальных установок и желанием прийти на помощь. Они подготовили молодую женщину к следующей роли: она должна была подходить к участникам демонстрации и просить их помочь своему больному другу, держащему плакат с надписью: «Долой Никсона!» в одном случае и «Поддерживаю Никсона!» – в другом. Демонстранты оказывали большее содействие соратнику по протесту, нежели мнимому стороннику Никсона.

Замечание по поводу этики экспериментов

В своих поисках истины социальные психологи-экспериментаторы время от времени подвергают людей достаточно тяжелым испытаниям. Даже в тех экспериментах, о которых шла речь в данной лекции, испытуемым приходилось вступать в конфликт между тем, что они видели своими глазами, и единодушным суждением других; им приказывали подвергать достаточно сильным ударам тока жертвы, чьи страдания казались очевидными; множество



ни в чем не повинных пассажиров метро заставляли быть свидетелями явной агонии некоего человека, попавшего в беду.

Проведение подобных опытов связано с серьезными этическими проблемами. Первый момент заключается в том, что, начиная эксперимент, необходимо позаботиться о том, чтобы испытуемые были ограждены от причинения им любого возможного вреда. Ответственность за это ложится на всех экспериментаторов. Именно они должны предпринять все необходимые усилия, чтобы состояние испытуемых после окончания эксперимента было не хуже, чем до его начала. Выполнение этого требования часто делает необходимым проведение постэкспериментальных собеседований, называемых дебрифингами, на организацию которых порой уходит времени и усилий не меньше, чем на сам эксперимент.

Принимая во внимание тонкость этического льда, по которому скользят на своих коньках экспериментаторы, трудно удержаться от вопроса: «Зачем вообще возиться с этими экспериментами?» Размышления над ответом приводят нас ко второму важному этическому моменту, о котором хотелось бы сказать: для социальных психологов этическая проблематика – предмет неодносторонний. В действительности их моральный долг состоит в том, чтобы использовать накопленный опыт проведения исследований для того, чтобы увеличивать наше знание и понимание человеческого поведения с целью усовершенствования человечества. Иными словами, социальные психологи несут этическую ответственность перед обществом в целом, и, если они не будут проводить экспериментальные исследования, они не справятся со своей важной миссией.

Однако, ставя эксперименты, социальные психологи сталкиваются с ситуацией этического выбора, когда их ответственность по отношению к обществу вступает в конфликт с ответственностью по отношению к каждому индивидуальному испытуемому. Этот конфликт особенно возрастает, когда исследование проводится по таким важным проблемам, как конформность, послушание, помощь и тому подобное. То есть, чем важнее проблема, тем значительнее потенциальная выгода, которую общество может получить в случае ее решения с помощью проведенного эксперимента, и тем вероятнее, что индивид-испытуемый, участвующий в нем, ощутит дискомфорт, беспокойство или огорчение.